

СИМВОЛИКА КАМНЯ В ОСЕТИНСКОЙ НЕСКАЗОЧНОЙ ПРОЗЕ: УСТНЫЕ РАССКАЗЫ О СВЯТИЛИЩЕ АВЗАНДАГ

Сокаева Д.В.

ФГБУН «Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева Владикавказского научного центра Российской академии наук и Правительства Республики Северная Осетия – Алания», Владикавказ, Россия (362008, PCO – Алания, Владикавказ, пр. Мира, 10), e-mail: soigsi@mail.ru

В настоящей статье рассматривается аспект рефлексии носителей осетинской традиционной культуры по поводу происхождения святилищ, в данном случае святилища Авзандаг Куртатинского ущелья Северной Осетии. Функционирование темы рассмотрено автором в синхронном плане на примере трех устных рассказов в контексте развития метафоры «камень-смерть». В случае происхождения святилища Авзандаг использован распространенный в фольклоре народов мира сюжет о превращении человека в камень. В нашем случае это превращение происходит по воле человека с помощью Бога. В легендах, преданиях и устных рассказах осетин встречаются и другие мотивации превращения людей и животных в камень, например, когда они спасаются от погони. Сюжет превращения в камень акцентирован с точки зрения этики: нельзя злоупотреблять человеческой добротой. Старый сюжет о превращении человека в камень получает новое звучание при столкновении с сакральной сферой. Он служит инструментом мотивации происхождения святилища Авзандаг.

Ключевые слова: осетинский фольклор (ОФ), мифологема, нескладочная проза, устный рассказ, сказочная проза, святилище

STONE SYMBOLICS IN THE OSSETIAN NOT FANTASTIC PROSE: FOLKLORE STORIES ABOUT AVZANDAG SANCTUARY

Sokaeva D.V.

North Ossetian Institute of humanitarian and social studies by V.I.Abaev, Vladikavkaz, Russia (362008, Republic of North Ossetia-Alania, Vladikavkaz, pr. Mira, 10), e-mail: soigsi@mail.ru

In the present article the aspect of a reflection of carriers of the Ossetian traditional culture concerning an origin of sanctuaries, in this case, sanctuaries of Avzandag of the Kurtatinsky gorge of North Ossetia is considered. Functioning of a subject is considered by the author in the synchronous plan on the example of three oral stories in the context of development of a metaphor «stone-death». In case of an origin of a sanctuary of Avzandag the plot about transformation of the person into a stone is used widespread in folklore of people of the world. In our case this transformation happens at will of the person by means of God. In legends, legends and oral stories the Ossetian other motivations of transformation of people and animals in a stone meet also, for example, when they escape from a pursuit. The plot of transformation into a stone is accented from the point of view of ethics: it is impossible to abuse human kindness. The old plot about transformation of the person into a stone receives new sounding at collision with the sacral sphere. It serves as the instrument of motivation of an origin of a sanctuary of Avzvndag.

Keywords: Ossetian folklore (OF), mytheme, not fantastic prose, oral story, fantastic prose, sanctuary

Символика камня, а также гор рассмотрена во многих российских и зарубежных исследованиях [2, 7]. Например, в одном из исследований камень представлен пространственным локусом гор как особой местности наряду с внешними объектами, такими как горным хребтом, вершиной горы, ущельем, пещерой, скалой, лесом, деревом, рекой, озером, родником и подземными внутренностями гор: шахтами, каменоломнями, приисками ценных ископаемых, горной расселиной [7]. Исследователь осетинского фольклора Т.К. Салбиев рассматривает гору Тбау-хох как ось мира осетинской космологии [8]. Многочисленность топонимических объектов, связанных с камнем, видна и из их перечня в исследовании А.Дз. Цагаевой «Топонимия Северной Осетии»: «Чызджыты Хох» («Девичья

гора», «Девушек гора»), «Дзиццайы дур» («Мамин камень»), «Хъахъхъждур» («Каккадур»), «Фжллад дор» («Место, где обнажали головы», «Усталости камень»), «Цирттжгтж» («Надгробные памятники», «Предназначенные для надгробий»), «Жлдаррезжн циртдзжвжн» («Надгробие того места, где дрожал алдар»), «Батъай дор» («Бата камень»), «Майржни дор» («Св. Марии камень»), «Жргъауджржн къулдун» («Пригорок для прогона стада») [9]. Кроме того, помимо приоритетных направлений исследований в области фольклористики, нами движет желание рассмотреть функционирование концепта «камень» в современной осетинской сказочной прозе, которая является богатым материалом для подобного рода изысканий.

Нами предпринят анализ современной сказочной прозы осетин, устных рассказов о святилищах, в частности, святилище Авзандаг, которое представляет собой камень, поэтому требуется важная оговорка: камень Авзандаг не просто пространственный локус гор, это – святое место.

Итак, святилище Авзандаг – это камень и находится в Куртатинском ущелье Северной Осетии. Свое исследование мы основываем на анализе текстов устных рассказов, собранных нами и опубликованных в других изданиях. Нами зафиксировано три устных рассказа о святилище Авзандаг, переводы которых с осетинского языка мы представляем ниже:

1. Авзандаг – над Кора, это большой камень. Согласно преданию, это был большой камень, путник открывал дверь, заходил и угощался. Идущие молиться были невоспитанными, и он превратился в камень. Он ведает дорогами (НА СОИГСИ, о.1, д.642, л.21, исп. Цагараев Созрыко А.(1902 г.р.), 08.08.1992 г. в с. Хидыкус зап. Каргаева А., перевод Сокаевой Д.В.) [6].

2. Авзандаг. Есть такое предание об Авзандаге. Был мужчина. На его камне есть рисунок двери, на этом камне. И путников в одну сторону он угощал, в две стороны не угощал. В одну сторону путников приглашал, хорошо угощал, на обратной дороге просто прощался. И вот нашелся один, на несчастье, со стороны Алагирского ущелья, Урсдон называется. В Дигории тоже есть Урсдон, но это здесь (другой – Д.С.). Вон там. Сразу под Кариу. И он каждый день ходил туда, и святой каждый раз хорошо угощал его и он возвращался. И сказал святой, начнут здесь безобразничать, преврати меня Бог в столб каменный. И он превратился в каменный столб. На камне дверь. Разные рисунки. Так молиться: «Авзандаг, табу тебе. Ты ведаешь дорогой. Отправь наших путников. Чтобы их дороги приносили им счастье» (НА СОИГСИ, о.1, д.642, л.30, исп. Марзаганов Ш.(1901 г. р.), 11.08.1992 г. в с. Харисджын зап. Хамицаева Т.А., Сокаева Д.В., Хамицаева А.А., перевод Сокаевой Д.В.) [6].

3. Авзандаг был мужчина. Он жил там, где святилище. Если из одного ущелья в другое кто-то шел, он его принимал как гостя, ни одному путнику не отказал. Но один

невоспитанный мужчина каждый день ходил к нему из Урсдона есть. И когда он от него устал, то взмолился Богу, чтобы Бог превратил его в каменный столб. И когда люди молятся, то так говорят: «Дай нам дорогу, покровитель (этой – Д.С.) дороги ты» (НА СОИГСИ, о.1, д.642, л.9, тетр.№1, исп. Марзаганов Ш., в июле 1992 г. в с. Харисджын зап. Хамицаева Т.А., Сокаева Д., Хамицаева А., Каргаева А., перевод Сокаевой Д.В.) [6].

Вот как представлен материал о святилище Авзандаг в «Топонимии Северной Осетии»: «Авзандаг «Покровитель молодых» (Авзандаг= авзонг «молодой» + дуаг «покровитель», «дух», «серафим». Кроме того, авзвн «рой пчелиный, из которого выделяется второй рой». И еще авзандаг, авдзандаг «опасный, высокий путь» по словарю В.Ф. Миллера [5]. Последнее значение слова нам неизвестно. Старинное капище на пути из Куртатинского в Алагирское ущелье. С капищем Авзандаг связана следующая легенда. Некогда это капище или духи этого капища угощали путника, оказывали ему приют, но при одном условии: путника принимали при следовании по пути один раз. Если он возвращался назад, то уже не имел права воспользоваться гостеприимством Авзандаг. И вот однажды из Алагирского ущелья пришел один путник. В капище его приютили. Когда этот человек возвращался назад из Куртатинского ущелья, то захотел еще раз угоститься. Повелители капища были страшно разгневаны, захлопнули перед ним двери, а само капище превратилось в камень. Это капище было общим местом для жителей сс. Верхний и Нижний Кора и Харисджын. Кроме того, А.Дз. Цагаевой приводится этимология слова Авзандаг по В.И. Абаеву. В этом случае Авзандаг можно перевести как «светоносец», «небожитель» или «место священного огня» [9].

История происхождения этого святилища стоит особняком, хотя историй об окаменении по той или иной причине в осетинском фольклоре много. Рассматриваемая нами история носит абсолютно этический характер, и, судя по тексту №2, святилище произошло благодаря человеку, жившему ранее около святилища и служившему этому святилищу. На особый характер этого человека в приведенных текстах не указывается. В тексте №2 говорится, что первоначально человек, живший около святилища, приглашал к столу всех, кто шел к святилищу и угощал их, пока его гостеприимством не стал злоупотреблять житель села Урсдон Алагирского ущелья. Деятельность этого человека выглядит как добровольное выполнение долга по отношению к святилищу. Когда он понимает, что его действия истолковываются неправильно и его долг по отношению к святилищу профанирован, он решает перестать быть человеком. Бог по его просьбе превращает его в камень – он и является на сегодняшний день святилищем Авзандаг.

Согласно традиционным представлениям осетин, каждый объект почитания, будь то камень, роща, река и т.д., имеет духа, который неразрывно связан с этим местом. Именно

этому духу и возносит молитвы осетин. Такое раздвоение произошло и с Авзандагом: он окаменел, но и превратился в дух дороги, у которого и по сей день путники, проезжающие мимо, просят благословения, просят у него хорошей дороги.

Следует отметить, что в осетинской традиционной культуре покровителем путников является небожитель осетинского пантеона Уастырджи, именно ему молятся осетины перед дорогой и о тех, кто находится в дороге на момент произнесения молитвы. [1]. То есть мы в данном случае имеем дело с локальным вариантом покровителя определенной дороги в Куртатинском ущелье, Авзандаге.

Символика камня дополняется в текстах №№ 1, 2 символикой дома через обозначение на камне двери. Камень, окаменевший Авзандаг, служит и по сей день поддержкой для путников конкретной дороги в Куртатинском ущелье. Камень-святилище является мистическим продолжением деятельности человека после его смерти. Текст об Авзандаге, представленный А.Дз. Цагаевой [9], говорит нам не о человеке, а о «духах капища», которые обязательно привечали путника, но только по пути к святилищу. По этой версии сюжета в камень превратился не человек, а капище.

Со временем, как всякое предание и легенда, анализируемый текст обрастает индивидуальными штрихами, которые мы можем видеть в устных рассказах, текстах сказочной прозы, более индивидуализированных, чем предания и легенды. Дополнительные детали, встретившиеся в приведенных текстах: на камне нарисована не только дверь, но нанесены и другие рисунки; он угощал путников только по пути к святилищу. Сравнение трех текстов устных рассказов об Авзандаге, зафиксированных нами и текста, данного А.Дз. Цагаевой, наталкивает нас на мысль о вторичной мифологизации. Вторичная мифологизация – явление, замеченное исследователями, то же, что вторичное истолкование. Причины в каждом случае могут быть различные. В данном случае причиной появления новой версии устных рассказов, в которых окаменение святилища превращается в окаменение в человека, может быть недопонимание бестелесной природы духа святилища Авзандаг. Вторичная мифологизация имеет место быть в нашем случае еще и потому, что речь идет об объяснении происхождения сакрального объекта, по сути – топонимического предания. Г.И. Канакина пишет: «Это фольклорные прозаические тексты свободной формы изложения, объясняющие происхождение названий различных географических объектов. В них отражается менталитет народа, накопленный им культурный опыт» [4].

Названия святилища, которому, будучи еще человеком, служил Авзандаг, мы не зафиксировали. Через представленные нами тексты устных рассказов фиксируется момент косвенного происхождения одного святилища, Авзандага, от другого святилища, которому

Авзандаг служил при жизни. «Прямое» происхождение святилища от другого святилища в осетинской традиционной культуре происходит при перенесении части старого святилища (камня, доски и т.д.) на место нового и присоединения к нему.

Второй блок текстов устных рассказов, которые мы привлекли для анализа, – это тексты об окаменении людей и животных в осетинском фольклоре, выполняющие в данном случае роль контекста. Речь в нашем исследовании идет о святилище, и процесс превращения человека в святилище происходит через окаменение, что иначе можно представить как реализацию в данном тексте культуры метафоры «камень–смерть», которая встречается и в других традиционных культурах [3]. Приведем текст, в котором данная метафора не связана со святилищем: «Девичья гора...Гора между сс. В. Кани и Тменикау, с одной стороны, и Даргавсом – с другой. С названием горы Чызджыты хох связана следующая легенда. В незапамятные времена девушки-сиротки отправились на эту гору с обедом для косарей. Дорогой их застал ураган. Девушки заблудились и не находили дорогу ни к косарям, ни в селение. Измученные, они вознесли молитву Богу и просили его превратить их в камни, чтобы избавить от мучений. Бог внял их просьбе и превратил их в камни, из которых и состоит названная гора. По другим преданиям, название «Чызджыты хох» восходит ко времени монгольского нашествия. Предание гласит, что женщины и девушки, спасаясь от преследований Тимура, прятались в пещерах названной горы» [9]. Приведенная выше легенда связана с мотивом избавления от мучений с помощью превращения в камень после просьбы, обращенной к Богу. Тексты осетинских устных рассказов, легенд и преданий, реализующих мотив окаменевания человека или животного по какой-либо причине, образуют большое семантическое поле, состоящее из текстов сказочной прозы, в которых фигурирует камень, что не удивительно в связи с ландшафтом проживания осетин.

Как выясняется из обзора всего осетинского топонимического материала (Северная и Южная Осетия), знаковыми для осетин считались и считаются камни с нанесенными на них изображениями, именно о таких камнях слагались легенды и предания: «Исан дур «Камень для поднятия» – гладкий камень шарообразной формы с высеченным на поверхности крестом в сел. Бырытат. Весит около 90 кг.» [10]. Или: «Уайджы дур/Уаигы фад «Камень великана» или «След великана» – чашечный камень в окрестностях сел. Бадзыгат, местное население считает, что на камне отпечатался след ноги великана» [10].

Святилище может иметь вид камней, но не быть связанным с мотивом окаменевания: «Балы жуар «Святилище черешни» – святилище в окрестностях села Сидан. Святилище представляет собой нагромождение камней»[10]. Еще один пример: «Горийы жуар – святилище в пределах сел. Танделата, с восточной стороны. Там стоит огромный камень. Святилище воздвигли в честь божества, охраняющего скот от сибирской язвы, косившей

скот. Святилище посвящено покровителю сибирской язвы (Хусары бардуаджы кувандон – Святилище покровителя Южной Осетии – Д.С.). Праздник в его честь приходится на Балдаранта (календарный праздник, приходящийся на первое воскресенье после Пасхи – Д.С.)» [10]. Груда камней, обозначенная как святилища, может быть остатками бывшей постройки из камней, и в данном случае мы констатируем синхронный план почитания камня/камней.

Чтобы картина знаковой роли камня в осетинской традиционной культуре выглядела более полной, заметим, что камень может быть не только святилищем или топонимическим объектом, о котором рассказываются легенды, предания и устные рассказы. Камень может быть связан и с демонологическими силами:

Первый блок, состоящий из устных рассказов, являющихся вариантами топонимического предания о святилище Авзандаг Куртатинского ущелья, мотивирован религиозными установками этического плана. Мы видим, как привязка мотива окаменения не просто к месту, а к святилищу порождает новый вектор творчества рассказчиков: они стараются указать имя обидчика, того, кто не считается с традиционным осетинским этикетом. Таких нарушителей этикета в традиционном осетинском обществе всегда выявляли и выставляли на всеобщий суд.

Таким образом, мы имеем дело с заново проакцентированным известным осетинской традиции сюжетом, а также поддержанием сакрального статуса пространственного локуса через актуализацию этой темы в устных рассказах. Нами рассмотрено два блока устных рассказов, реализующих мотив окаменения или метафору «камень-смерть»: устные рассказы об окаменевании через просьбу к Богу из-за обиды и устные рассказы об окаменевании через просьбу к Богу, чтобы убежать от преследования. В осетинском фольклоре есть еще немало тем, которые актуализируются посредством концепта «камень» в виде различных сюжетов. Кроме того, просто данность, выраженная как камень/камни, например, груда камней от разрушившегося святилища и т.д. может в настоящем и будущем породить новые сюжеты в связи с происходящими вокруг них событиями. Сказанное касается текстов устных рассказов о различных видениях, атмосферных явлениях и т.д., привязанных в том или ином устном рассказе к камню/ камням/ каменной постройке.

Приведем такой текст: «Куртатинские святилища. Здесь много есть бугров, и в каждом месте есть (святилище – Д.С.). Во-первых, святилище есть на перевале в Черных горах, наверху и называют его Черных гор Уастырджи. Спустившись оттуда, напротив – село Андиевых, поляна. Вот такая поляна. В этом месте есть святилище Зариновых, вот так, Зариновых, так оно называется, святилище отдельное, ниже его, вот здесь Верхняя башня, мол, вон виднеется башня, ее святилище. Около нее находится святилище Мадымайрам,

строение около него. И вот там, в этой ограде находится. Рано шел и там один бородатый мужчина, острая бородка, и шапка его (была – Д.С.) похожа на шапку Коста, такая, сидит нога на ногу, а башня как хвост ласточки была с двух сторон раздвоенная, друг напротив друга раздвоенная. И он сидит на краю. О, Бог, говорю, как он поднялся туда, это же целая история, повернулся по тропинке и дошел вот отсюда до машины, дошел до него. Он встал и по краю башни взошел наверх и с другой стороны исчез. Газырей на нем не было, кинжала у него не было, синяя (серая – Д.С.) черкеска, старая черкеска, застежки не были застегнуты. Если бы у него был кинжал, я бы увидел его, когда он встал. Я так удивился: он пошел вверх и со стороны ущелья исчез. <...> Река, которую называют Цаджиу, там внизу протекает, и вот в этом месте он исчез. Все это я видел своими двумя глазами. Верхняя башня – около святилища Мадымайрам. К ней обращаются жители Зака, и клятву дают: «Клянусь Горным Святилищем», «Клянусь Горным Уастырджи», «Черными горами». Марзагановы и другие клялись ею. Это находится посередине двух ущелий. А это был являющийся людям святой (Зариновых – Д.С.), так говорили, являющийся людям. Вон там, если под ним вор украл что-то – это раскрывалось. Спрятаться было нельзя. Под ним нельзя было красть скотину. Это раскрывалось. День этого святилища – понедельник Джеоргубы. После того, как мы там помолились, мы идем домой и каждый в своем доме, в понедельник вечером приносит свою жертву, но <...> резали быков, каждый дом резал быка. Я режу двух. Это Зариновых, придя оттуда в понедельник вечером — вечер молений Уастырджи, ему посвящается отдельная жертва.

– Верхней башни святилище. В какое время ему молятся? Что просят у него?

В понедельник Троицы и во вторник Комахсан. Троица бывает в воскресенье, а мы ее справляем в понедельник, затем во вторник Джеоргубы» «(НА СОИГСИ, о.1, д.642, л.25-26, исп. Марзаганов Шахман (1901 г.р.), 11.08.1992 г. в с. Харисджын зап. Хамицаева Т.А., Сокаева Д.В., Хамицаева А.А., перевод Сокаевой Д.В.) [6].

В дальнейшем нами будут рассмотрены и другие варианты смысловых метафор, связанных с камнем и реализованных в осетинском фольклоре и этнографии.

Список литературы

1. Бекоев В.И. Христианизированное божество Уастырджи в образной системе мифологической поэзии осетин // Известия Российского гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. – 2007. - №9 (47). – С. 67–72.

2. Дзиццойты Ю.А. «Золотой век» в осетинской мифологии // Известия ЮОНИИ им. З.Н. Ванеева. – Вып. XXXVI. – 2000. – С. 139-159.
3. Демиденко Е.Л. Значение функции общефольклорного образа камня// Русский фольклор. Т. XXIV. – Л., 1987. – С. 85-98.
4. Канакина Г.И. Топонимический текст как жанр устного народного творчества, репрезентующий фрагменты провинциальной культуры // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. – 2012. - №27. – С. 270-274.
5. Миллер Вс.Ф. Осетино-русско-немецкий словарь: В 3 т./ Под ред. и с доп. А.А. Фреймана – Т.1. – Л., 1927. – XIII. – 618 с.
6. Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований (НА СОИГСИ).
7. Надель-Червиньска М. Семантика горы в польской народной сказке и лингвокультурологический контекст европейского фольклора // Политическая лингвистика. – 2006. Вып.20. – С. 229-253.
8. Салбиев Т.К. В поисках создателя. Мифология и традиционная культура осетин. – М.: СЕМ, 2013. – 240 с.
9. Цагаева А.Дз. Топонимия Северной Осетии. Часть II. (Словарь географических названий). – Орджоникидзе: Ир, 1975. – 560 с.
10. Цховребова З.Д., Дзиццойты Ю.А. Топонимия Южной Осетии: В 3 т. – Т.1: Дзауский район. – М.: Наука, 2013. – 599 с.

Рецензенты:

Гацалова Л.Б., д.фил.н., в.н.с. отдела осетинского языкознания, ФГБУН СОИГСИ им. В.И. Абаева ВНЦ РАН и Правительства РСО-А, г. Владикавказ.

Фидарова Р.Я., д.фил.н., в.н.с. отдела осетинской литературы и фольклора, ФГБУН СОИГСИ им. В.И. Абаева ВНЦ РАН и Правительства РСО-А, г. Владикавказ.